

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213483-490>

Исследовательская статья

Бухарин Михаил Дмитриевич
д.и.н., академик РАН, главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
michabucha@gmail.com

АКАДЕМИК В.В. БАРТОЛЬД И КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

Аннотация. Изучение истории Кавказа не являлось главным научным интересом академика В.В. Бартольда, тем не менее и как исследователь средневековой истории и литературы (тюрколог, иранист, арабист), как исламовед, как администратор, Бартольд регулярно обращался к истории Кавказа. Постоянный интерес Бартольда к истории Кавказа демонстрирует переписка с академиком Н.Я. Марром – археологом, литературоведом, лингвистом (всего выявлено и издано более 50 документов). В фонде В.В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) отложились как оригиналы изданных работ академика Бартольда, посвященные тем или иным сюжетам из истории Кавказа, так и автографы неизданных работ. Наличие этих документов показывает, что Кавказ занимал существенно большее место в научном творчестве В.В. Бартольда, чем представлялось до настоящего времени. Ряд работ, определенно, представляет интерес и для науки сегодняшнего дня. В 1922-1923 гг. российская наука и культура переживала тяжелую кампанию по передаче Грузии историко-культурных памятников грузинского или предположительно грузинского происхождения. В этой связи В.В. Бартольд как заместитель председателя Государственной академии истории материальной культуры Н.Я. Марра, друг и коллега С.Ф. Ольденбурга по РАИМК и по Российской академии наук, которые принимали активное участие в сопротивлении кампании, не мог остаться в стороне от попыток научной и музейной общественности остановить процесс передачи или, по крайней мере, максимально уменьшить количество передававшихся артефактов. В фонде В.В. Бартольда в СПбФ АРАН сохранилась докладная записка, составленная им по результатам заседания Совета ГАИМК, в которой от лица ГАИМК представлена позиция ученого по вопросам сохранения национального историко-культурного наследия, научных и культурных центров мирового значения, нераздельности музейных и библиотечных собраний.

Ключевые слова: кавказоведение; Российская академия наук; Государственная академия истории материальной культуры; историко-культурные ценности; международное право

Для цитирования: Бухарин М.Д. Академик В.В. Бартольд и кавказоведение // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 483-490. doi.org/10.32653/CH213483-490

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213483-490>

Research paper

Mikhail D. Bukharin,
Dr. Sci., Academician, Principal Researcher
Institute of World History of RAS, Moscow, Russia
michabucha@gmail.com

ACADEMICIAN V.V. BARTOLD AND CAUCASIAN STUDIES

Abstract. The study of the Caucasus did not constitute Academician V.V. Bartold's primary academic focus. Nevertheless, as a scholar specializing in medieval history and literature (Turkologist, Iranist, and Arabist), an Islamic scholar, and an administrator, Bartold frequently engaged with the history of the Caucasus. His sustained interest in this region is evidenced by his correspondence with Academician N.Ya. Marr, an archaeologist, literary scholar, and linguist, with over fifty documents discovered and published. The V.V. Bartold collection, housed at the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS), includes both the original offprints of Bartold's published works on various aspects of Caucasian history and autographs of unpublished works. These materials indicate that the Caucasus held a more significant place in Bartold's scholarly activity than previously acknowledged, with several of these works remaining relevant to contemporary scholarship. During 1922–1923, Russian academic and cultural institutions faced a challenging campaign to transfer historical and cultural artifacts of Georgian or presumed Georgian origin to Georgia. In this context, V.V. Bartold, serving as deputy chairman of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) and as a colleague of S.F. Oldenburg at GAIMK and the Russian Academy of Sciences, actively participated in efforts to oppose this campaign. Bartold contributed to the scholarly and museum communities' endeavors to halt the transfer process or, at minimum, to reduce the number of artifacts transferred. A report authored by Bartold, preserved in the V.V. Bartold collection at the SPbB ARAS, documents a meeting of the GAIMK Council. In this report, Bartold articulates, on behalf of GAIMK, the scholarly position advocating for the preservation of national historical and cultural heritage, the maintenance of globally significant scientific and cultural centers, and the integrity of museum and library collections.

Keywords: Caucasian studies; Russian Academy of Sciences; State Academy of the History of Material Culture; historical and cultural heritage; international law

For citation: M.D. Bukharin. Academician V.V. Bartold and Caucasian studies. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 483-490. doi.org/10.32653/CH213483-490

Введение

История российской исторической науки неотделима от научного творчества и организационной деятельности выдающегося востоковеда, историка, филолога, религиоведа – тюрколога, ираниста, арабиста – академика Василия Владимировича Бартольда (1869–1930). Хотя Бартольд не знал кавказских языков и не владел первоисточниками на них, документы на арабском, персидском, турецком по истории Кавказа были Бартольду прекрасно знакомы. Как показывают архивные документы – и лишь недавно опубликованные, и еще ожидающие введения в научный оборот, Бартольд не просто питал глубокий профессиональный интерес к истории Кавказа, не только написал целый ряд работ, важных для прогресса кавказоведения, но и в организационной деятельности внес значительный вклад, в частности в сохранение кавказского историко-культурного наследия, хранящегося в российских музеях и библиотеках.

В.В. Бартольд и Н.Я. Марр по материалам переписки

Сохранилась обильная переписка между Н.Я. Марром и В.В. Бартольдом, которая показывает, что история Кавказа привлекала В.В. Бартольда всю его научную жизнь: 30 документов (письма и телеграммы), отправленных Бартольдом Марру, и 13 – Марром Бартольду. Переписка сохранилась не полностью: Марр ссылается на письма Бартольда (например, в своих письмах от 18 июля 1896 г., 28 августа 1902 г.), которые в его фонде не сохранились, или на информацию, которую он мог получить только в письмах Бартольда (например, письмо от 28 августа 1902 г.), отсутствующих в его фонде [1, с. 72].

Переписка ученых охватывала 35 лет их жизни и деятельности (с 1896 по 1930 гг.), практически вся их жизнь в науке прошла в тесном контакте друг с другом. Отношения между коллегами были уважительными, однако их нельзя назвать «благостными», и переживали они разные периоды, в том числе и охлаждения [1, с. 27–29]. Впрочем, на постоянной основе сохранялось взаимное уважение и искреннее признание заслуг в науке.

Бартольд ценил Марра за профессионализм в археологии, за преданность своему делу, за достигнутые подлинные успехи в научной и организационной сферах – прежде всего как исследователя материальной и духовной культуры Кавказа, в частности, на примере Ани и множества сопряженных проблем. По мнению Бартольда, заслуги Марра в исследовании Ани уже к концу 1915 г. увековечили его имя. Слова Бартольда в отзыве о трудах Марра, представленном на соискание Большой золотой медали имени А.С. Уварова, звучат совершенно искренне: «За ту четверть века, которая отделяет нас от первого знакомства Николая Яковлевича Марра с развалинами Ани, имя его связалось с ними вечной и неразрывной цепью, скованной из пятнадцатилетнего пребывания там, из четырнадцати кампаний раскопок, из ряда научных докладов и лекций, посвященных Ани, из целой серии печатных трудов, из непрерывных археологических и исторических изысканий, из учреждения на самом городище двух музеев, из установления действительной охраны развалин, из предохранения многих памятников от грозившего им разрушения и, наконец, из создания если еще не *de jure*, то *de facto* научного института специально для изучения древностей Ани и окрестной области древнего Ширака» [2, с. 381; 3, с. 438]. Так или иначе деятельность по сохранению памятников историко-культурного значения еще более сблизит ученых в начале 1920-х гг.

Намеренно или нет, но Бартольд совершенно обходит молчанием лингвистические изыскания Марра, хотя Марр пытался обсуждать с ним свои выводы¹. В письмах Марра Бартольду нет ни слова о яфетических изысканиях. Определенно, Марр просил коллегу наводить справки о новой литературе по интересовавшим его сюжетам и тогда, когда от чисто лингвистических он перешел к более масштабным построениям. Так, Бартольд в письме от 26 декабря 1922 г. пишет Марру: «Сочинений о развитии речи у доисторических народов мне пока здесь не приходилось встречать»² [1, с. 277–278; 3, с. 439].

1. Письмо от 7 июля 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 144. Л. 13–14 об.

2. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 82. Л. 38 об.

Кавказ в научном творчестве В.В. Бартольда

Опубликованные работы

В.В. Бартольд питал глубокий интерес к истории Кавказа не только потому, что на Кавказе и с кавказским материалом работал его коллега Н.Я. Марр. Историей Кавказа Бартольд интересовался как историк, филолог, исламовед на протяжении всей своей жизни в науки и в высшем образовании. Достаточно сказать, что одна из последних его прижизненных работ была посвящена анализу преданий о Коркуде в туркменско-кавказской и анатолийско-турецкой среде [4, с. 1–18].

С количественной точки зрения объем творческого наследия академика В.В. Бартольда, посвященного истории народов Кавказа и Закавказья, существенно меньше в сравнении с количеством работ, посвященных истории Средней Азии и Ирана. Однако даже те работы, которые были собраны в разделе «Работы по истории Кавказа и Восточной Европы» первой части второго тома «Сочинений» Бартольда [5, с. 651–880] показывают, что его можно с полной уверенностью считать одним из ведущих европейских специалистов первой половины XX в. по истории Кавказа. Наиболее ярко среди них представлены работы по истории Прикаспия. Впрочем, работы Бартольда по истории Кавказа представлены не только в первой части второго тома, они разбросаны и по другим томам (например, «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче», впервые изданная в «Арийской серии» в 1911 г. [6, с. 313–339]: провести сюжетную границу между теми или иными работами и отделить кавказские сюжеты от прочих подчас затруднительно, да и едва ли нужно.

Работы по истории Кавказа, опубликованные при жизни ученого, не исчерпывают творческое наследие Бартольда-кавказоведа.

Архивные материалы

Среди неопубликованных научных работ В.В. Бартольда одной из наиболее значительных является черновик работы о восточных империях. Текст не имеет авторского названия и занимает 82 листа (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д 118). Работа посвящена формированию государств турок, Арабского халифата, а также государства Чингиз-хана и тимуридов. По справедливому наблюдению Н.Н. Туманович, наибольший интерес представляет первая часть труда³ [7, с. 265]. Интересным выглядит объяснение В.В. Бартольда причин, по которым отуречиванию подвергались, прежде всего, те районы, которые располагались максимально далеко от исходного района распространения тюркских племен – Средней Азии: Малая Азия, Азербайджан, Закавказье. Именно туда тюркские правители стремились направить своих соплеменников, именно там велась «борьба за веру» с Византией и грузинским царством Багратидов, именно таким образом покоренные города и села – основные поставщики налоговых выплат – ограждались в сельджукидскую эпоху от набегов кочевников, с другой, военному потенциалу кочевников находилось должное применение⁴.

Ряд неопубликованных работ посвящен специально древней и средневековой истории Кавказа – отзыв Бартольда на диссертацию И. Джавахова «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» [1905 г.]⁵, пространная рецензия на книгу Е.И. Козубского «История города Дербента» [1907 г.]⁶ как в чистовом, так и в черновом вариантах. Дело «Из истории Дербента и Дагестана вообще» на 66 листах⁷ представляет собой серию выписок из источников на арабском, турецком, английском и немецком языках. Определенно, эти выписки служили основой для подготовки рецензии на книгу Е.И. Козубского. Приблизительно того же свойства – подготовительные записки к рецензиям, курсам лекций – являются следующие дела: дополнения к книге Е.А. Пахомова «Краткий курс истории Азербайджана» (Баку, 1923) на трех листах, а также к лекциям «Прикаспийские области» (ок. 1924 г.)

3. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д 118. Л. 1–22.

4. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д 118. Л. 5а–6а.

5. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 148.

6. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 149.

7. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 151.

на 50 листах, «Конспект лекций по истории прикаспийских областей» (1924 г.) на 34 листах и «Краткий курс истории Азербайджана» (1924–1926 гг.) на 4 листах⁸.

Остальные архивные материалы, относящиеся к истории Кавказа, указанные Н.Н. Туманович [7, с. 274], были опубликованы при жизни Бартольда.

В.В. Бартольд и кампания по передаче грузинских историко-культурных ценностей

В 1922–1923 гг. российская наука и культура была вынуждена пройти через кампанию по передаче Грузии памятников историко-культурного значения грузинского (или предположительно грузинского) происхождения [8, с. 360–379]. В 1921 г. часть грузинского историко-культурного наследия была вывезена во Францию, и ее возвращение состоялось только по завершении Второй мировой войны [см., в частности: 9, с. 4]. Впрочем, вопрос о возвращении грузинских артефактов из российских собраний в грузинской прессе был поставлен еще в 1917 г.

В 1922 г. решение вопроса было поставлено в практической плоскости. Хронология процесса к настоящему времени реконструирована не полностью, ряд вопросов не имеет решения. Так, наиболее ранний известный документ по данному вопросу – протокол заседания Комиссии по обсуждению вопросов о вывозе в Грузию ее национальных собраний и коллекций, находящихся в различных хранилищах РСФСР от 24 июня 1922 г.⁹ При этом ВЦИК РСФСР постановил передать Грузии «все регалии древней Грузии, вывезенные в Россию и принадлежащие Грузии по удостоверениям в Государственном архиве и Наркомпросе и хранящиеся в Главархиве, Оружейной палате и других музейных хранилищах» лишь 20 июля 1922 г.¹⁰. Получается, что работа соответствующих комиссий была начала еще до принятия постановления ВЦИК РСФСР.

Так или иначе, к середине августа 1922 г. вопрос о передаче грузинских историко-культурных ценностей, в частности, рукописей из Румянцевского музея (ныне – Российская государственная библиотека) достиг существенной остроты. На это указывает докладная записка в Главное управление научных учреждений, составленная В.В. Бартольдом. Эта записка отложилась в личном фонде В.В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в сводном деле по истории работы Бартольда в Российской (Государственной) академии истории материальной культуры.

Определенно, записка эта явилась не столько инициативой самого Бартольда, сколько была составлена по поручению Совета Государственной академии истории материальной культуры, в которой В.В. Бартольд был товарищем (заместителем) председателя – академика Н.Я. Марра (Марр также заведовал Разрядом археологии Кавказа и яфетического мира Этнологического отделения ГАИМК) – и председателем Археологического отделения, а С.Ф. Ольденбург – заведующим Разрядом археологии Индии и Дальнего Востока этого же отделения. В первой половине 1920-х гг., когда влияние Российской академии наук на формирование политики в области науки и культуры было минимальным, именно ГАИМК обладала наибольшими из всех научных учреждений административными возможностями для того, чтобы влиять на научную и культурную политику государства. Значимость научной и организационной деятельности академика В.В. Бартольда для истории науки и взаимоотношений научной среды и государства в 1920-е гг. диктуют необходимость привести данную записку полностью. Основной посыл документа – необходимость уберечь от разделов коллекции научных центров мирового уровня, в том числе – собрание грузинских рукописей Румянцевского музея; раздел коллекции приведет к непоправимому урону для русского кавказоведения, что неминуемо отразится на всем научном прогрессе, частью которого является и русская наука. Россия, как указывает Бартольд, приложила значительные усилия в исследование Кавказа, и изъятие историко-культурных ценностей из российских собраний явится жестом крайнего неуважения ко всей русской культуре.

8. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 152–154.

9. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 16 = Л. 44–44 об.; публикацию см.: [1, с. 363–364].

10. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 1–2, 4.

Археографическое описание

Почерк Бартольда – мелкий, неаккуратный, многие знаки сливаются в неразделимые волнообразные цепочки, некоторые слова не читаются вовсе. Судя по наличию многочисленных исправлений, документ представляет собой черновой вариант, составленный для последующей перепечатки на пишущей машинке, возможно, под диктовку самого Бартольда или для переписки секретарем, привыкшим к его почерку.

Датировка записки возможна на основании даты, упоминаемой в тексте: 24 сентября, когда собрался совет ГАИМК. Более точная датировка будет возможна при обнаружении чистового варианта постановления совета ГАИМК. Архивная пагинация не соответствует структуре текста: после Л. 28 текст продолжается на Л. 30, затем возвращается на Л. 29 и завершается на Л. 31.

[не ранее 24 сентября 1922 г.]

В Главное управление научных учреждений

[28] После заседаний Особой комиссии, имевших место 18 и 19 августа, вопрос об увозе в Тифлис грузинских книг и рукописей из русских собраний мирового значения мог считаться решенным в благоприятном для русской и мировой науки смысле. К сожалению, эта надежда оказалась преждевременной: получено устойчивое достоверное известие, что последовало распоряжение о выдаче для увоза в Тифлис грузинских рукописей библиотеки Румянцевского музея, и существует опасение, пока основанное только на слухах, что и для петроградских собраний не миновала опасность. Ввиду этого Совет¹ Российской академии истории материальной культуры в заседании 24 сентября решил по этому вопросу обратиться с соответствующим заявлением в Главнауку².

Академия истории материальной культуры не обладает собраниями рукописей и непосредственно не заинтересована в предотвращении опасности, угрожающей петроградским книгохранилищам, но для нее не может быть безразличен вопрос, в каких условиях будет происходить в Петрограде и Москве научная работа по кавказоведению. Приняв на себя наследие³ [30] бывшей Императорской Археологической комиссии, академия не могла не включить в программу своих работ изучения археологии Кавказа, которому придавала такое значение русская археологическая наука (достаточно напомнить о Пятом, Тифлисском, археологическом съезде). На средства Археологической комиссии были начаты в 1892 г. раскопки Н.Я. Марра на месте Ани, составившие эпоху в истории кавказоведения; само собой разумеется, что эти раскопки, как всякие научные археологические работы были тесно связаны с изучением письменных источников; предполагавшейся, хотя и не вышедшей в свет полностью отчет о раскопках должен был носить заглавие «Книжная история Ани и раскопки на месте городища». Само собой разумеется, что к числу разрядов, на которые разделяется академия, принадлежит и разряд кавказоведения, работающий под руководством ученика Н.Я. Марра и сотрудника его при раскопках И.А. Орбели.

Русское кавказоведение составляет неразрывную часть русского востоковедения⁴, как успехи русского востоковедения связаны с успехами русской науки вообще. Если развитие науки сопровождается развитием специализации, то вместе с тем развивается и сознание единства научной мысли, [...] тесного общения представителей различных [29] специальностей, без которых невозможно более широкая постановка научных вопросов. Поэтому разрушение мировых научных центров не может быть возмещено никакими успехами отдельных научных дисциплин в отдельных местностях; в частности, никакие успехи грузиноведения в Тифлисе не могли бы восполнить тот пробел, который получился и в мировой науке от гибели русского кавказоведения. Несомненно, что притязания Грузии, если бы они были удовлетворены, оказались бы одиночными⁵. Академии достоверно известно, что и в армянских кругах возникла мысль о вывозе в Армению армянских рукописей из Петрограда и Москвы; такой просьбы не было предъявлено только потому, что она была признана несовместимой с уважением к русской науке и русским ученым; но, если бы оказалось, что⁶ в самой России не дорожат целостью русских научных собраний, армяне тоже последовали бы⁷ примеру грузин, тем более что нет никаких оснований утверждать, что в Тифлисе существует более гарантий успешной научной работы, чем в Эривани и Эчмиадзине⁸, если не считать унаследованных Тифлисом от времен русского владычества [...] кавказских учреждений – музея, библиотеки и т.п. [...] мере, могли бы [...] и другие города.

Для возможного продолжения правильной научной деятельности в области востоковедения академия считает совершенно [31] необходимым, чтобы неприкосновенность русских научных собраний мирового значения была признана не только по отдельному частному случаю, но раз и навсегда. Если [...] оправдывается создание комиссий с участием ученых для рассмотрения вопроса [...] в законную силу договор [...] или вопроса о возвращении имуществ, эвакуированных во время войны, или [...] вопроса, для России пока еще не существующего⁹, об [...] научных ценностей вследствие безысходной материальной нужды, то [...] притязаний Грузии, не подходящих ни под одну из этих категорий; настолько если сами по себе [...] возникновение вопроса об их удовлетворении представляется несовместимым с тем уважением¹⁰, на которое имеет право русская культура.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 428. Л. 28–31.

Чернила, синий карандаш. Автограф.

Примечания

1. Вписано сверху.
- 2 Вписано и подчеркнуто синим карандашом.
- 3 Вычеркнуто: «Как наследница бывшей»
- 4 Вычеркнуто: «вообще».
- 5 Вычеркнуто: «В том же заседании Совета академии».
- 6 Вычеркнуто: «власти, от которых зависит участь русских научных собраний, разрешили».
- 7 Вписано сверху синим карандашом.
- 8 Далее до конца предложения текст вписан на левом поле листа.
- 9 Фраза вписана сверху синим карандашом.
- 10 Вычеркнуто: «которым должна пользоваться».

Возможно, дальнейшие архивные изыскания помогут ответить на вопрос о причинах, по которым вопрос о передаче памятников историко-культурного наследия грузинского происхождения грузинской стороне не обсуждался в переписке В.В. Бартольда с С.Ф. Ольденбургом и Н.Я. Марром, хотя Марр и Ольденбург этот вопрос продолжали обсуждать. И Бартольд, и Марр, возможно, не находя сил участвовать в заседаниях комиссий, деятельность которых была нацелена не на сохранение историко-культурных ценностей, а на их изъятие, в самый сложный момент находились в зарубежных командировках, и обе академии – РАН (официально) и ГАИМК (фактически) – в соответствующих комиссиях представлял С.Ф. Ольденбург, а ГАИМК – молодой на тот момент эксперт, ученик Н.Я. Марра, А.Н. Генко.

Единственным сюжетом, который затрагивается в переписке Марра и Бартольда и перекликается с деятельностью различных комиссий по передаче Грузии памятников истории и культуры грузинского происхождения, является обсуждение рукописей сочинения «Калила и Димна». Из протокола № 5 заседания «Полномочной комиссии, образованной для детального обсуждения и окончательного решения технических вопросов, связанных с передачей Грузии ее древних художественно-исторических памятников, находящихся в различных хранилищах РСФСР» от 19 марта 1923 г. следует, что грузинская рукопись XVII в. «Калила и Димна», хранившаяся в Азиатском музее (ныне – Институт восточных рукописей РАН), остается в России¹¹. Между тем, именно в это время, т.е. в декабре 1922 г., феврале и марте 1923 гг., Марр и Бартольд обсуждали в переписке иллюстрации к рукописям, персидской и грузинской, «Калилы и Димны» из Азиатского музея [1, с. 178, 289, 291–293].

Заключение

Архивные документы наравне с прижизненными публикациями показывают, что история Кавказа составляла органическую часть научного творчества академика В.В. Бартольда. Его перу принадлежат работы, не потерявшие свое значение для современного кавказоведения, и часть из них еще нуждается во введении в научный оборот. Научно-организационная деятельность Бартольда была нацелена на сохранение в российских собраниях историко-культурных ценностей грузинского происхождения.

11. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1923), Д. 110. Л. 11; см. также протокол от 20 марта 1923 г. – СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1923), Д. 110. Л. 18, в котором эта рукопись помещена в число тех, которые были оставлены в собрании Азиатского музея.

Впрочем, реконструкция хода кампании по передаче этих памятников грузинской стороне далека от завершения, однако и выявленные документы показывают, что В.В. Бартольд активно выступал за сохранение музейных и библиотечных собраний – главных научных центров мирового уровня, исходил из интересов науки, а не сиюминутной политической выгоды, и полагал, что подобные разделы коллекций провоцируют не стабилизацию международных отношений, а их разбалансировку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Имена, которые никогда не будут забыты...». Российское востоковедение в переписке В.В. Бартольда, Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга. М.: Варфоломеев А.Д., 2020. 400 с.
2. Бартольд В.В., Смирнов Я.И. Отзыв В.В. Бартольда и Я.И. Смирнова о трудах Н.Я. Марра по исследованию древностей Ани // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. Т. XXIII. 1916. С. 373–411.
3. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Российская академическая наука в переписке Н.Я. Марра и В.В. Бартольда // Краткие сообщения Института археологии РАН. № 259. 2019. С. 434–444.
4. Бартольд В.В. Турецкий эпос и Кавказ // Язык и литература. V. 1930. С. 1–18.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. С. 615–880.
6. Бартольд В.В. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М.: Издательство Восточной литературы, 1966. С. 313–339.
7. Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов В.В. Бартольда. Туманович Н.Н. Описание архива В.В. Бартольда. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. 467 с.
8. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Российская академия наук и проблема перемещения памятников историко-культурного наследия грузинского происхождения в 1920-е гг. // Византийский временник. 104. 2020. С. 360–379.
9. Амиранашвили Ш. საქართველოდან სხვადასხვა დროს გატანილი სამუზეუმო განძეულობა და მისი დაბრუნება. თბ.: თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა. Разновременные вывезенные из Грузии и возвращенные музейные ценности. Тбилиси, 1968. 63 с.

Поступила в редакцию 10.02.2025 г.

Принята в печать 26.03.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

REFERENCES

1. Ananyev VG., Bukharin MD. "Names that will never be forgotten..." *Russian Oriental Studies in the Correspondence of V.V. Bartold, N.Ya. Marr, and S.F. Oldenburg*. Moscow: Varfolomeev A.D., 2020. (In Russ)
2. Bartold VV., Smirnov YaI. Review of V.V. Bartold and Ya.I. Smirnov on the Works of N.Ya. Marr on the Study of the Antiquities of Ani. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1916; 23: 373-411. (In Russ)
3. Ananyev VG., Bukharin MD. Russian Academic Science in the Correspondence of N.Ya. Marr and V.V. Bartold. *Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*. 2019; 259: 434-444. (In Russ)
4. Bartold VV. The Turkish Epic and the Caucasus. In: *Language and Literature*. Part V. 1930: 1-18. (In Russ)
5. Bartold VV. *Works. Vol. II. Part I. General Works on the History of Central Asia. Works on the History of the Caucasus and Eastern Europe*. Moscow: Vost. Lit., 1963: 615-880. (In Russ)
6. Bartold VV. Persian inscription on the wall of the Ani mosque of Manuche. *Bartold V.V. Works. Vol. IV. Works on Archaeology, Numismatics, Epigraphy, and Ethnography*. Moscow: Vost. Lit., 1966: 313-339. (In Russ)
7. Umnyakov II. *Annotated bibliography of the works of V.V. Bartold. Tumanovich, N.N. Description of the archive of V.V. Bartold*. Moscow: Vost. Lit., 1976. (In Russ)
8. Ananyev VG., Bukharin MD. The Russian Academy of Sciences and the problem of the relocation of historical and cultural heritage monuments of Georgian origin in the 1920s. *Byzantine Time*. 2020; 104: 360-379. (In Russ)
9. Amiranashvili Sh. *Museum valuables exported from Georgia and returned at different times* [გატანილი სამუზეუმო განძეულობა და მისი დაბრუნება]. Tbilisi: Tbilisi University Publ., 1968 (in Georgian).

Received 10.02.2025

Accepted 26.03.2025

Published 15.09.2025